

© 2019

Борис Хейфец

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, профессор Финансового университета
при Правительстве РФ
(e-mail: bah412@rambler.ru)

Вероника Чернова

кандидат экономических наук, старший преподаватель
Российского университета Дружбы народов
(e-mail: veronika_urievnova@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ В РОССИИ

В статье рассмотрены изменения экономической доступности продовольственных товаров в Российской Федерации после изменения условий внешней торговли продовольственными товарами в результате введения санкций. В качестве индикатора экономической доступности продуктов питания авторами использован показатель среднего количества минимальных наборов продуктов питания, которое может приобрести потребитель в месяц. Выявлено, что среднее количество минимальных наборов продуктов питания, доступных потребителю, интенсивно снижалось на протяжении всего периода антироссийских санкций и ответного эмбарго. Авторами сделан вывод о том, что усилия по достижению продовольственной безопасности и продовольственной независимости сопровождались сокращением экономической доступности продуктов питания и снижением качества питания. В статье предложены направления повышения экономической доступности продуктов питания и корректировки Доктрины продовольственной безопасности для достижения гарантированного уровня продовольственного благополучия населения.

Ключевые слова: экономическая доступность продуктов питания, продовольственная безопасность, продовольственная независимость, эмбарго, продовольственное благополучие населения, агропродовольственный сектор.

DOI: 10.31857/S020736760007150-4

Проблема экономической доступности продуктов питания в концепции продовольственной безопасности. Основопологающим инструментом экономической политики России в агропродовольственном секторе является Доктрина продовольственной безопасности, в которой в качестве главных критериев используются установленные пороговые значения показателей продовольственной независимости [23]. В доктрине сделан акцент на укреплении продовольственной безопасности Российской Федерации на основе замещения части импортной продукции продукцией отечественных производителей на внутреннем продовольственном рынке и повышения самообеспеченности страны в основных пищевых продуктах.

Концепция продовольственной безопасности ФАО включает в себя следующие аспекты:

— физическое наличие продовольствия — наличие достаточного количества продуктов питания соответствующего качества из внутренних (национальное производство) и внешних источников (импорта),

включая продовольственную помощь и возможность доставить его в нужное место, то есть наличие инфраструктуры;

- экономическая доступность для населения продуктов питания, которая предполагает возможность приобретения соответствующих продуктов для полноценного питания;

- качество и безопасность продовольственного обеспечения, которое складывается из адекватного питания, употребления чистой воды, наличия санитарных условий и системы здравоохранения для достижения пищевого благополучия, при котором удовлетворяются все физиологические потребности человека;

- долгосрочное устойчивое состояние всей этой системы, которое предполагает обеспечение продовольственной безопасности всего населения и отдельных домохозяйств, постоянный их доступ к продуктам питания даже в условиях внезапных потрясений в виде экономических кризисов или климатических катаклизмов и вне зависимости от сезонности поставок продовольствия [30].

Согласно российской Доктрине продовольственной безопасности, под экономической доступностью продовольствия понимается возможность приобретения продуктов питания по сложившимся ценам в объемах и ассортименте, которые не меньше установленных рациональных норм потребления. При этом указанная возможность должна быть обеспечена соответствующим уровнем доходов населения [23]. Уровень экономической доступности продуктов питания может быть определен как отношение затрат на продовольственные товары к совокупным затратам населения или домашнего хозяйства на все виды товаров и услуг.

Вместе с тем, как отмечает ряд авторов [17, 12, 11, 4], на современном этапе в связи с введением эмбарго и изменением географии поставок импортируемой продовольственной продукции существенно возросли требования к качеству пищевой продукции. Данное дополнение вносит корректировки в определение экономической доступности продовольственных товаров: экономическая доступность продуктов питания — это возможность приобретения продовольственных товаров должного качества по действующим ценам, в объемах и ассортименте, соответствующих доходам населения, но не меньших установленных рациональных норм потребления [4].

Оценка экономической доступности продуктов питания, в соответствии с методикой ФАО, производится на основе следующих индикаторов: ВВП на душу населения; индекс внутренних цен на продовольственные товары; доля расходов на продукты питания в бюджете бедных семей; масштабы распространения недоедания; масштабы нехватки продовольствия [31].

В методологии, разработанной Исследовательской службой журнала Economist — Economist Intelligence Unit [33], экономическая доступность продовольствия складывается из трех компонент:

- способность домашнего хозяйства или индивидуума приобретать продукты питания;

- уязвимость домашних хозяйств или индивидуумов к ценовым шокам;
- наличие программ поддержки потребителей при возникновении таких шоков.

Экономическая доступность продовольствия, наряду с физической доступностью и качеством продуктов питания, составляет индекс глобальной продовольственной безопасности с весовыми коэффициентами 40%, 44% и 16% соответственно.

При расчете экономической доступности в соответствии с методикой Economist учитываются такие факторы, как ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (удельный вес показателя в экономической доступности — 22,2%); доля расходов домашних хозяйств на продукты питания (22,2%); доля населения, живущего за чертой бедности (20,2%); тарифное регулирование импорта продукции агропродовольственного сектора (10,1%); наличие в стране программ обеспечения безопасности продовольственных товаров (14,1%); возможность получения финансирования фермерами (11,1%).

В работах российских авторов, в частности в статье [24], анализ экономической доступности продовольственных товаров производится на основе количества наборов питания в общих потребительских расходах и доли расходов домашних хозяйств на продукты питания. В работе К. Бородина оценка экономической доступности продовольствия в количественном измерении представляет собой число минимальных наборов питания, которое может себе позволить приобрести среднестатистический потребитель, потратив часть своего дохода, предназначенную для покупки продовольствия [4]. Преимуществом данного подхода является то, что в одном показателе агрегировано множество других согласованных между собой индикаторов, среди которых, в частности, данные о потребляемых калориях. Кроме того, стоимость сбалансированного по составу питательных веществ набора продуктов питания также отражает региональную и сезонную специфику, что позволяет его рассматривать как гибкий и удобный показатель.

Следует отметить, что после введение антироссийских санкций со стороны стран Запада и ответных мер России интерес исследователей в большей степени был сосредоточен на проблеме обеспечения продовольственной безопасности страны и отдельных регионов [11, 14, 15]. В ряде работ, к примеру [2], предприняты попытки разработки интегральных показателей для оценки продовольственной безопасности. Тем не менее, исследуя проблемы продовольственной безопасности, авторы уделяют пристальное внимание и проблеме обеспечения экономической доступности продуктов питания и качеству продовольственных товаров. Так, Ж. Аяпова [1], исходя из влияния качества продуктов питания на состояние здоровья человека и продолжительность его жизни, предлагает включить в перечень показателей продовольственной безопасности степень «натуральности» и доброкачественности продуктов. В то же время автор подчеркивает, что на обеспечение продовольственной безопасности влияет не только современное состояние отечественного

аграрного рынка, но и уровень протекционизма, а также общеэкономическая ситуация в стране. Решение проблемы продовольственной безопасности, по мнению В. Бурцева и соавт. [3], невозможно без решения проблемы качества продуктов питания на основе расширения органического земледелия и обеспечения экономической доступности продовольствия.

Уровень потребления продуктов питания населением страны определяется экономической доступностью. В работе А. Грешонкова и Л. Абрамовой [5] выделены четыре уровня потребления, которые авторы рекомендуют использовать для социально-экономических расчетов и для гарантированного обеспечения населения в чрезвычайных ситуациях: *критический* — суточное потребление продуктов питания, обеспечивающее получение человеком менее 2200 ккал и существование на грани выживания; *минимальный* (2300–2800 ккал) — уровень, исключающий возможность появления голода; *рациональный* (2800–3600 ккал) при обязательной сбалансированности рациона белками, витаминами и другими важными компонентами — базовый уровень для социально-экономических расчетов; *комфортный* — уровень потребления, который предусматривает потребление экологически чистых продуктов питания, что должно способствовать росту продолжительности жизни населения и сохранению здоровья.

В статье Н. Киреевой и С. Санинского [11] отмечено, что качество и экономическая доступность продуктов питания имеют чрезвычайно большое значение для России с ее глубокой территориальной и социальной дифференциацией в уровне потребления продуктов питания и доходов населения.

Имеется ряд работ, в которых экономическая доступность и продовольственная безопасность рассматриваются с позиции политики импортозамещения [12, 17]. В частности, в исследовании Е. Пожидаевой [17] выявлены особенности потребления в период действия ограничительных мер во внешней торговле, среди которых снижение уровня фактического потребления некоторых продуктов ниже установленных рациональных норм и превышение по сравнению с рациональными нормами потребления среднедушевого потребления продуктов питания, содержащих растительные углеводы и имеющих более низкие розничные цены по сравнению с продуктами животного происхождения. Аналогичные результаты получены в исследовании Н. Киреевой и С. Санинского [11]. По мнению других авторов, к примеру Е. Жиряевой [8], исследовавшей категории продовольственных товаров, вовлеченных в геополитические игры, рост цен на продукты питания в Российской Федерации в 2013–2015 гг. наблюдался не только в отношении продуктов, на которые распространяется эмбарго, но и в отношении других товарных групп.

Оценка экономической доступности продуктов питания в условиях санкций и контрсанкций. За прошедшие восемь лет после утверждения Доктрины продовольственной безопасности практически все установленные в ней показатели были достигнуты, за исключением молока

(80,7% по результатам 2018 г. и 68,03 – 1 квартал 2019 г.) и соли (63,6% в 2017 г.). Более того, были достигнуты или превышены и рекомендованные Минздравом нормы среднедушевого потребления, кроме молока, фруктов и овощей, отставание по которым составляет 28%, 38% и 20% соответственно. В 2017 году было превышено производство яиц на 45 штук на человека, хлебных продуктов – на 22,3 кг/чел., растительного масла – на 2,2 кг/чел., мяса и мясопродуктов – на 2,7 кг/чел. Как отмечают многие эксперты, задача импортозамещения и продовольственной независимости страны в целом решена. В 2018 году коллективом авторов Московской школы управления «Сколково», Совета по внешней и оборонной политике, Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС, отраслевых союзов разработан проект новой Доктрины продовольственной безопасности [6], а в пороговые значения уровня продовольственной независимости внесены корректировки, кроме того, расширен перечень товарных групп, по которым установлены пороговые значения: овощи и бахчевые, фрукты и ягоды (табл. 1).

Таблица 1

**Пороговые значения уровня самообеспечения продовольственными товарами
отечественного производства**

Продовольственные товары	Пороговое значение, %	
	2010 г	2018 г.
Зерно	95	95
Сахар	80	90
Растительное масло	80	90
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	85	85
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	90	90
Рыба и рыбопродукты (в живом весе)	80	85
Картофель	95	95
Овощи и бахчевые	—	90
Фрукты и ягоды	—	70
Соль пищевая	85	85

Источник: составлено авторами по [6].

Необходимость разработки новой Доктрины вызвана изменением уровня социально-экономического развития страны, изменением условий функционирования отечественного агропродовольственного сектора, возникновением новых геополитических рисков, формированием единого таможенного пространства и развитием интеграции в формате ЕАЭС: «наряду с ухудшением отношений с Западом, санкциями и контрсанкциями, падением курса рубля, необходимость изменений в Доктрину определяется также тем, что она была принята до вступления России в ВТО и до образования Евразийского экономического союза» [18].

Экономическая доступность, в отличие от продовольственной безопасности и продовольственной независимости, предполагает обеспечение

населения продуктами питания вне зависимости от источника их происхождения [4].

В качестве начального периода для анализа мы приняли 2013 год как последний полный год без санкций и эмбарго. За период с 2013 года по 2018 год импорт пищевых продуктов, включая напитки и табак, сократился в весовом измерении с 6912 тыс. т до 4575 тыс. т (33,81%): импорт продуктов из мяса и рыбы сократился на 38% в стоимостном измерении, сахара — на 50%, какао — на 334, продуктов из круп и муки — на 35%, продуктов переработки овощей, фруктов, орехов — на 34%, разных пищевых продуктов — на 36%. Импорт продуктов животного происхождения сократился на 58,85% с 4662 тыс. т до 1928 тыс. т, при этом ввоз мяса и продуктов из мяса сократился на 75%, рыбы — на 49%, молока, яиц, сыра — на 57%. Импорт продуктов растительного происхождения сократился с 13203 тыс. т до 9944 тыс. т (24,68%). Существенно сократился импорт злаков (59%), продуктов из муки и круп (45%), овощей (47%), фруктов и орехов (38%). В то же время, за период с 2013 года по 2018 год заметно вырос импорт семян, зерна и лекарственных растений (на 12%), на долю которых в общей сумме импорта товаров растительного происхождения приходится 14,7%.

Кроме существенного сокращения импорта продовольственных товаров за исследуемый период заметно изменился состав участников внешней торговли. В 2013 году основными импортерами овощей в Российскую Федерацию были: Турция (19,8%), Китай (13,4%), Нидерланды (9,5%), Польша (8,6%), Израиль (8,3%), Испания (8,3%). В 2018 году почти четверть импорта овощей поступало из Китая (22,6%), за которым следуют Азербайджан (12,5%), Египет (10,9%), Беларусь (10,6%).

В импортных поставках мяса и продуктов из мяса в 2013 году 28,9% приходилось на Бразилию, 9,7% — на Парагвай, 8% — на Беларусь, долю немного более 6% занимали Германия и Дания. В 2018 году 35,9% мяса и мясной продукции поступило из Беларуси, доли остальных участников импортных поставок значительно сократились. В 2013 году Беларусь поставляла в Россию 38,3% молочной продукции, 8,6% импортировалось из Украины, 8,4% — из Нидерландов, 7,1% — из Финляндии. В 2018 году практически монопольным поставщиком молочной продукции на территорию Российской Федерации стала Беларусь, доля которой увеличилась до 74,3%.

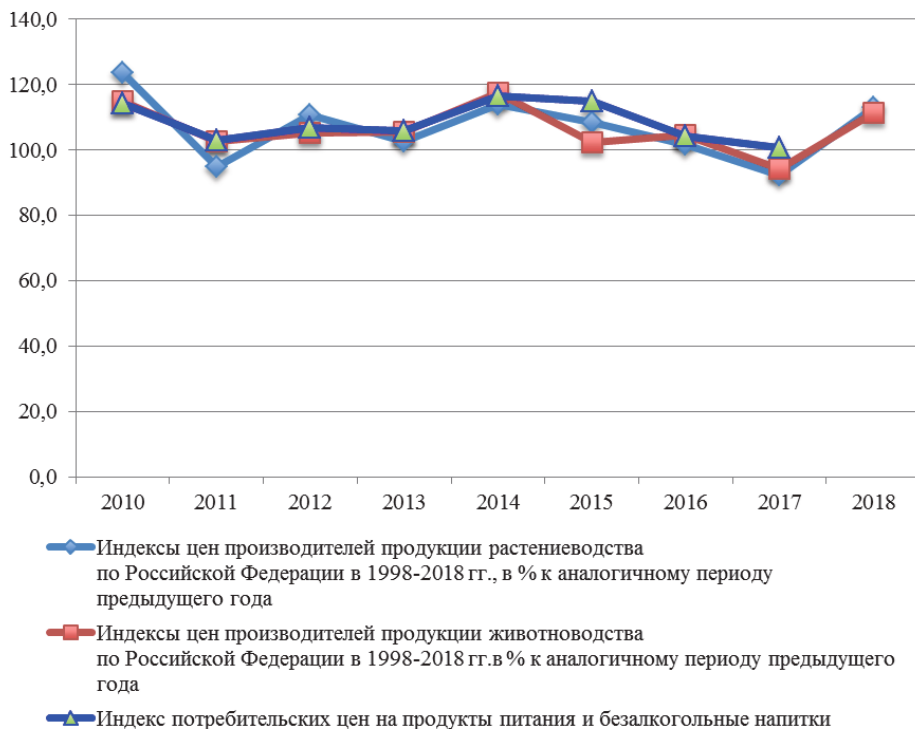
В 2018 году Россия, которая занимала 2-е место по импорту агропродовольственной продукции из стран ЕС в 2013 г. с объемом закупок 12 млрд евро, к 2016 г. сократила агропродовольственный экспорт на 52,6% по сравнению с 2013 г. Беларусь после введения российского эмбарго значительно укрепила свои позиции импортера европейской агропродукции. В 2016 г. поставки ЕС в Белоруссию превысили 800 млн евро, что составило 0,5% агропродовольственного экспорта ЕС [10].

Для оценки динамики экономической доступности продовольственных товаров мы рассчитали среднюю стоимость одной тонны импортируемой продукции по товарным группам. На протяжении исследуемого

периода средняя стоимость одной тонны импортируемой продукции, за исключением рыбы, имела тенденцию к снижению, особенно выраженную в период 2013–2015 гг.

Снижение средней стоимости тонны импортируемых продуктов питания на фоне значительного сокращения его объема, даже в условиях значительного обесценивания национальной валюты, не могло оказать существенного влияния на рост цен продуктов питания на внутреннем российском рынке.

Динамика индексов цен производителей продукции животноводства и растениеводства также демонстрирует понижающийся тренд, особенно заметный в период с 2014 г. по 2017 год (рис. 1). Индекс потребительских цен на продукты питания снижается на протяжении 2014–2017 гг., однако более медленными темпами в сравнении с индексами цен производителей сельхозпродукции.

Источник: составлено авторами по [7, 20].

Рис. 1. Динамика индексов цен производителей сельхозпродукции и индекса потребительских цен на продукты питания

Наиболее резкий рост цен наблюдался в конце 2014 года – начале 2015 года [22]. В разрезе групп продовольственных товаров этот рост цен был вызван несколькими товарными группами, прежде всего, ростом цен на сахар-песок, крупу и бобовые [27].

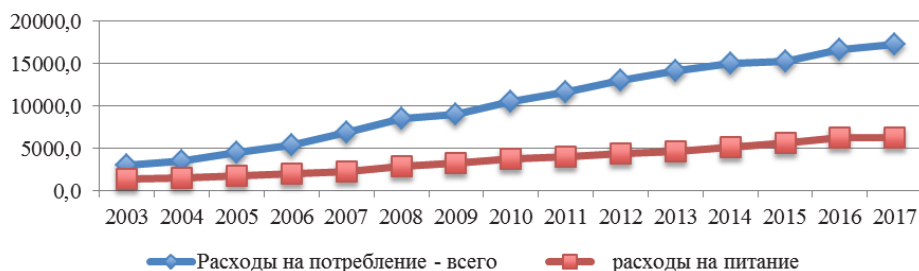
Рост цен на крупы и бобовые в 2014 году был вызван в основном повышением цен на гречку и рис. Факторами роста цен на гречку стали,

с одной стороны, неблагоприятные погодные условия и гибель части урожая в Алтайском крае из-за раннего снега, и, с другой стороны, панические настроения и ажиотажный спрос населения, которое традиционно запасается гречкой в периоды кризиса. На рост цен на рис оказали влияние в основном валютные факторы, в результате чего экспорт отечественного риса в период 2014–2015 гг. вырос в 1,9 раза при значительном сокращении импорта тех сортов, которые в России не выращиваются [9]. Спекулятивными мотивами объясняют эксперты и рост цен на сахар в конце 2014 года и в 2015 году, несмотря на то, что его производство зависит от импорта семян, средств защиты растений и сельскохозяйственной техники.

Значительный рост цен в 2015 году на масло подсолнечное, по экспорту которого Россия занимает второе место в тройке ведущих экспортеров, был вызван ростом цен по подсолнечнику, цены на который при увеличении валового сбора в 2015 году на 600 тыс. тонн продолжили рост, чему способствовали погодные условия сбора урожая, создавшие условия для длительного хранения без необходимости переработки и слабость национальной валюты (доля российского экспорта в мировом предложении подсолнечного мала в 2014 году составила 20%, в 2015 году – 19%) [9].

Таким образом, в период 2014–2015 гг. в России наблюдался рост цен на экспортные товары, которые при ослаблении рубля автоматически растут в цене. Сказывается и эффект «повода», который заключается в том, что при заметной девальвации рубля у производителя есть повод повысить цены и обосновать это повышение перед потребителями и государством [27].

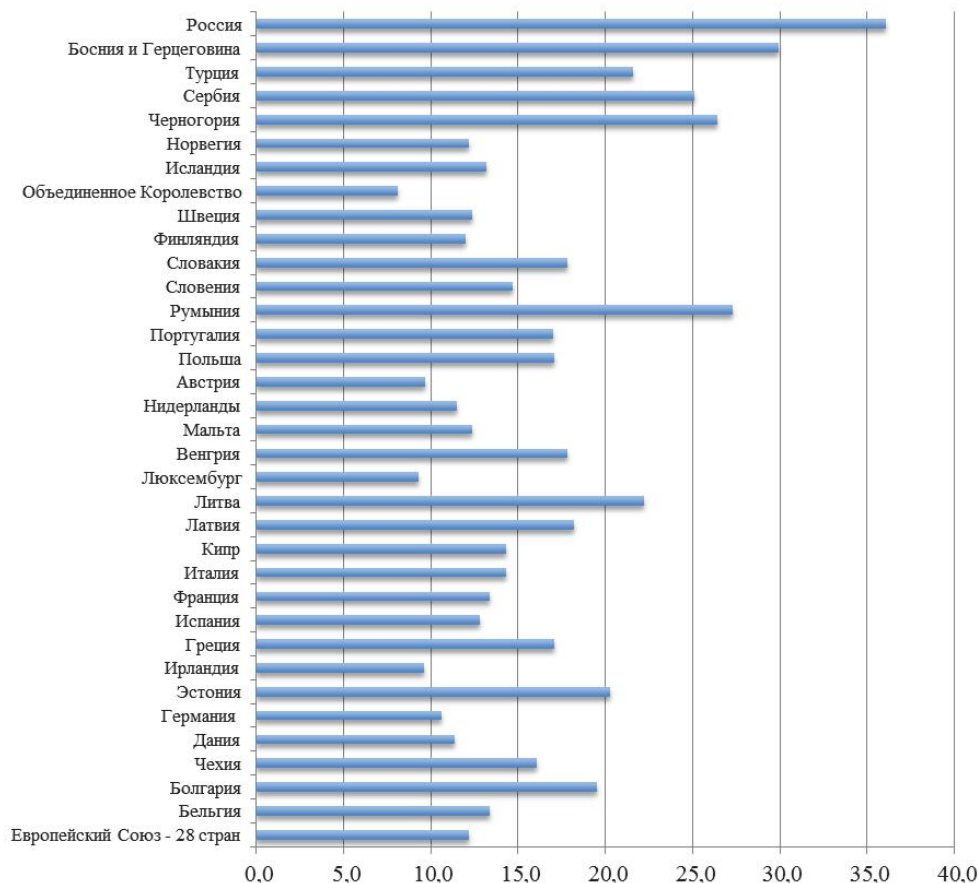
При этом расходы на питание российских потребителей растут на протяжении длительного времени, однако более медленно, чем расходы домашних хозяйств на потребление (рис. 2).

Источник: составлено автором по [20].

Рис. 2. Динамика потребительских расходов и расходов на питание

В 2017 г. в России расходы на продукты питания домашних хозяйств составили более 36% расходов на потребление, в то время как в странах ЕС (28 стран) в среднем составляют 12,2% (рис. 3).

Источник: составлено авторами по данным Eurostat [29].

Рис. 3. Доля расходов на питание в расходах домашних хозяйств на потребление (%)

Наиболее точным индикатором экономической доступности продуктов питания является показатель среднего количества минимальных наборов продуктов питания, которое может приобрести потребитель в месяц. Как показали расчеты, среднее количество минимальных наборов продуктов питания, доступных потребителю, рассчитанное как отношение среднедушевых денежных доходов населения к стоимости условного (минимального) набора продуктов питания, интенсивно снижалось на протяжении всего исследуемого периода. Так, в 2013 г. российскому потребителю было в среднем в месяц доступно 9,2 минимальных наборов продуктов питания, то к 2015 году это количество сократилось до 8,33 набора (90% от уровня 2013 года), а в 2017 году — 8,15 наборов (88,6%) (рис. 4).

Очевидно, что уровни потребления продовольственных товаров находятся в тесной зависимости от сложившегося на рынке продовольствия уровня цен и от уровня доходов домашних хозяйств, которые они тратят на приобретение продуктов питания. Иными словами, уровень

потребления продуктов питания домашними хозяйствами определяется их экономической доступностью [5]. Ряд авторов [8] со ссылкой на данные статистики утверждают, что в 2015 году потребление фруктов, молока и молочных продуктов, мяса и сахара стало ниже, чем в досанкционном 2013 году, хотя потребление других продуктов (хлеба и яиц) не изменилось [32]. Калорийность питания в России имеет существенную дифференциацию по регионам: по данным обследования домашних хозяйств, она колеблется от 18866,1 ккал в Республике Калмыкия до 2985,4 ккал в Башкирии [11]. Значительные различия имеются и по расходам на продукты питания как между регионами (в ряде регионов эта доля достигает 40–50%), так и между городской и сельской местностью, в которой данный показатель превышает 40%.

Источник: рассчитано авторами по [7, 20].

Рис. 4. Среднее количество минимальных наборов продуктов питания, которое мог приобрести российский потребитель в месяц в период с 2013 по 2017 гг.

При этом душевое потребление ряда продуктов питания по России сильно отстает от аналогичных показателей в развитых странах. Так, потребление мяса и продуктов из мяса в России составляет 72,6 кг, в странах ЕС – 82 кг, США – 110 кг [25]. Россияне потребляют мяса и мясопродуктов на 16 кг меньше, чем жители Беларуси, молока и молочных продуктов меньше на 15 кг, яиц – на 15 шт., картофеля – на 58 кг, овощей бахчевых – на 34 кг, фруктов и ягод – на 18 кг и потребляют больше хлеба и макаронных изделий на 32 кг [27]. Превышение нормы потребления хлеба, хлебопродуктов и макаронных изделий при потреблении овощей, фруктов, рыбы ниже рекомендованной нормы [11] ведет к росту заболеваний, связанных с качеством питания. Так, за последние пять лет в России выросла доля людей, страдающих ожирением с 0,99% в 2013 году до 1,32% в 2017 г. (более 30%), а в отдельных регионах этот показатель достиг 60% [16], отмечен рост заболеваний сердечно-сосудистой системы и диабета.

Падение реальных располагаемых денежных доходов населения началось в 2014 г. — 99% от уровня 2013 г. и продолжилось в 2015 г. (97%) и 2016 г. (94%). Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума выросла в 2015 г. на 3,4 млн человек, в 2016 г. — еще на 0,3 млн человек и составила в 2016 г. 13,5% от общей численности населения, что на 2,8% больше, чем в 2012 г. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств начало сокращаться еще в 2012 г., заметное его сокращение произошло в 2015 г. [21].

По словам директора Центра агропродовольственной политики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС Н. Шагайды, конфликт очевиден: «темпы роста производства — растут, импорт — сокращается, о голоде речи нет, по части продуктов есть превышение норм потребления. Однако с 2013 по 2016 гг. доля расходов населения на питание в расходах на конечное потребление выросла с 33 до 37% — это очень высокий показатель» [18].

* * *

Таким образом, достижение продовольственной безопасности и продовольственной независимости сопровождалось сокращением экономической доступности продуктов питания и снижением качества питания.

Решением сложившейся ситуации должно стать существенное изменение подходов к продовольственной безопасности, пересмотр целей и задач доктрины и основных направлений их реализации с учетом новых вызовов и изменившихся условий [19]. В настоящее время целей обеспечения импортозамещения явно недостаточно. По мнению авторов, в Доктрине продовольственной безопасности должны найти отражение следующие вопросы:

- смещение акцента с продовольственной безопасности на обеспечение гарантированного уровня продовольственного благополучия населения;
- корректировка и детализация национальных норм потребления пищевых продуктов с точки зрения сохранения здоровья и обеспечения роста продолжительности жизни населения;
- организация адресной продовольственной помощи социально уязвимому населению, что станет хорошим инструментом роста внутреннего потребления;
- разработка механизмов выявления и устранения «узких мест», сдерживающих развитие агропродовольственного сектора, в том числе в смежных отраслях — транспорте и инфраструктуре;
- развитие системы образования и науки в агропродовольственной сфере;
- сокращение отставания агропродовольственного сектора в цифровизации по всей продовольственной цепочке во избежание развития новых форм технологической зависимости отечественного агропродовольственного сектора от развитых стран;
- включение в Доктрину продовольственной безопасности критериев экономической доступности продуктов питания.

Литература

1. *Аяпова Ж.М.* Показатели и критерии оценки состояния продовольственной безопасности: опыт Казахстана и зарубежных стран // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2017. № 1 (71). С. 445–450.
2. *Белугина Т.А., Белугин А.Ю.* Использование интегральных показателей для оценки продовольственной безопасности России // Пищевая промышленность. 2017. №12. С. 62–65.
3. *Бурцев В.В., Балясова А.А.* Продовольственная безопасность России: оценка и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 3. С. 479–490.
4. *Бородин К.Г.* Экономическая доступность продовольствия: факторы и методы оценки // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4 (22). С. 563–582. DOI:10.17323/1813-8691-2018-22-4-563-582.
5. *Грешонков А.М., Абрамова Л.М.* Дифференцированный инструментарий обеспечения экономической безопасности продовольственной сферы: региональный аспект // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 1. С. 26–31.
6. Доктрину продовольственной безопасности РФ скорректируют из-за санкций. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/115886> (Дата обращения: 05.06.2019).
7. ЕМИСС. Государственная статистика. 2019. URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/> (Дата обращения: 05.06.2019).
8. *Жиряева Е.В.* Продукты питания, вовлеченные в войну санкций: действительно ли страдает продовольственная безопасность? // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С. 117–133.
9. Институт конъюнктуры аграрного рынка (2017). Масложировая отрасль. Доступно: <http://ikar.ru/sunflower/profile.html>.
10. *Каштакова Е., Баумгартнер Б., Жатко М.* Влияние российского эмбарго на торговлю агропродовольственной продукцией между Россией и ЕС: анализ отдельных показателей // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 4. С. 256–271 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-12.
11. *Киреева Н.А., Санинский С.А.* Продовольственная безопасность региона в контексте политики импортозамещения // Информационная безопасность регионов. 2017. № 2 (27). С. 13–18.
12. *Копеев В.В.* Экономическая и продовольственная безопасность: новая реальность импортозамещения // Техника и технология пищевых производств. 2016. № 1 (40). С. 126–134.
13. *Кучумов А.В., Воробьёва Е.С.* Продовольственное обеспечение и экономическая безопасность России: проблемы и перспективы // Московский экономический журнал. 2016. № 4. С. 132–143.
14. *Лебедев М.Э., Костенко Е.А.* Угрозы продовольственной безопасности Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. 2016. № 2 (74). С. 36–40.
15. *Миненко А.В.* Экономическая доступность продовольствия для населения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 10 (2). С. 35–38. doi:10.24411/2411-0450-2018-10083
16. Минздрав назвал страдающие от ожирения регионы. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/07/2018/5b519ee49a7947f2d4d7fa9b> (Дата обращения: 05.06.2019).
17. *Пожидаева Е.С.* Экономико-статистический анализ уровня потребления основных продуктов питания в условиях ограничений внешней торговли // Экономический анализ: теория и практика. 2017. №1(460). С. 116–127.
18. Продовольственная безопасность: чем заменить старую доктрину? URL: <http://economytimes.ru/kurs-rulya/prodovolstvennaya-bezopasnost-chem-zamenit-staruyu-doktrinu> (Дата обращения: 05.06.2019).

19. Разработана новая Доктрина продовольственной безопасности. Агроинвестор, 2018. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/30159-razrabotana-novaya-doktrina-prodovolstvennoy-bezopasnosti/> (Дата обращения: 05.06.2019).
20. Росстат, 2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ (Дата обращения: 05.06.2019).
21. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат. М. 2017.
22. *Скоробогатых И.И., Парамонова Т.Н., Рамазанов И.А., Урясьева Т.И., Попова И.Н.* Мониторинг розничных цен при спаде покупательской активности // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2015. № 4 (82). С. 50–62.
23. Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30563> (Дата обращения: 05.06.2019).
24. *Шагайда Н., Узун В.* Продовольственное эмбарго и выбор приоритетов // Вопросы экономики. 2016. № 7. С. 93–105.
25. *Шаклеина М.В., Швецова К.Д., Шаклеин К.И.* Оценка влияния санкций на рынок мяса и мясной продукции в России: анализ состояния и перспектив развития рынка // Проблемы развития территории. 2018. №1(93). С. 57–70.
26. *Щетинина И.В.* Продовольственная безопасность и международное сотрудничество // Вестник НГИЭИ. 2018. №10(89). С. 135–152.
27. *Чернова В.Ю.* Развитие стратегии импортозамещения в России (на примере АПК) [Текст] / Чернова В. Ю. Москва: Триумф. 2018.
28. Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/date-Q201301-201804/RU/import/world/0417> (Дата обращения: 05.06.2019).
29. Eurostat. How much are households spending on food? URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/DDN-20181204-1>. (Дата обращения: 05.06.2019).
30. FAO, 2006. Food Security. Policy Brief. URL: http://www.fao.org/fileadmin/templates/faoitaly/documents/pdf/pdf_Food_Security_Cocept_Note.pdf (Дата обращения: 05.06.2019).
31. FAO. Committee On World Food Security. Thirty-ninth Session. Rome, Italy, 15–20 October 2012. URL: <http://www.fao.org/3/MD776E/MD776E.pdf> (Дата обращения: 05.06.2019).
32. *Olipra J.* The embargo has transformed the Russian food market. 2017. URL: <http://www.financialobserver.eu/cse-and-cis/russia/the-embargo-has-transformed-the-russian-food-market/> (Дата обращения: 05.06.2019).
33. The Economist Intelligence Unit. Global Food Security Index 2018. URL: <https://food-securityindex.eiu.com/> (Дата обращения: 05.06.2019).